

У КИРГИЗОВЪ.

Путевыя впечатлѣнія.

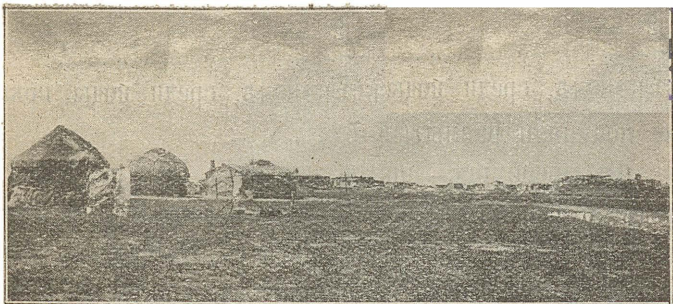
А. Чеглока.

(Съ рисунками.)

— — — * — — —

С.-Петербургъ.—1909 г.

У КИРГИЗОВЪ.

I.

Раннею весною, едва только началъ таять снѣгъ, я задумалъ въ свободное пасхальное время побывать въ киргизскихъ степяхъ. Я досталъ нѣсколько книгъ, чтобы по нимъ познакомиться со страной и людьми, и этотъ народъ такъ заинтересовалъ меня, что я, во что бы то ни стало, рѣшилъ поѣхать въ ихъ степи.

Жилъ я всего въ одной ночи ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Оренбурга, а тамъ, стоитъ только перебраться черезъ Уралъ,—и начинаются киргизскія степи. Путь, значить, предстоялъ не длинный. На самомъ дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. Поѣхалъ я въ среду на Страстной недѣлѣ, но въ Оренбургѣ былъ только въ пятницу, потому что въ четвергѣ

поѣздъ долго простоялъ въ полѣ, среди воды, пока не починили размытый путь.

Въ Оренбургѣ—новая остановка. По Уралу шелъ ледъ, и переправа черезъ рѣку на паромѣ представлялась дѣломъ довольно опаснымъ. Смотритель почтовой станціи долго не соглашался давать лошадей, и только съ большимъ трудомъ, послѣ длинныхъ разговоровъ, мнѣ удалось добиться своего. Паромщики оказались много стговорчивѣе:

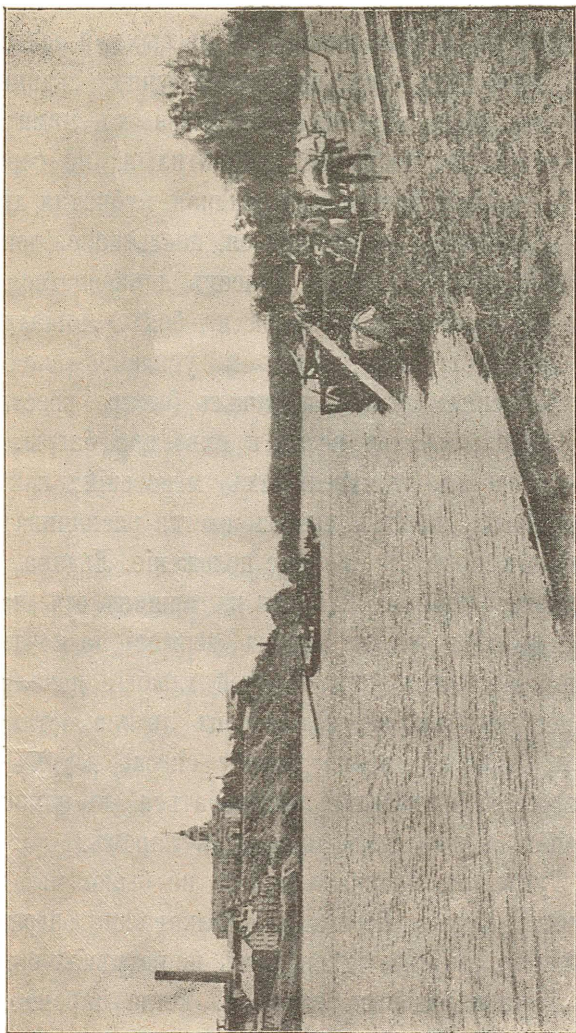
— Только ты ужъ намъ на чаекъ не поскупись! говорили они.—Мы тебя въ лучшемъ видѣ предоставимъ на тотъ берегъ!

Меня эта переправа не особенно утращала. Послѣ широкой и мощной Волги Уралъ казался ничтожнымъ ручейкомъ. Но дѣло оказалось не такъ просто.

Паромщики схватили лошадей и поставили ихъ на паромъ. Лыдины начали было итти рѣже, и паромщики хотѣли воспользоваться этимъ временемъ. Я взбѣжалъ на паромъ, его оттолкнули, и мы поплыли.

Двое гребли толстыми веслами по бокамъ помоста, а два дюжихъ молодца спустились на носъ съ баграми, чтобы отталкивать набѣгающія на насъ лыдины.

Работа оказалась довольно тяжелой. Быстрое теченіе безпрестанно посылало на насъ лыдины,

Оренбургъ. Переправа черезъ Уралъ.

и багры то и дѣло вонзались въ рыхлый ледъ. Вначалѣ дѣло шло довольно благополучно: льдины попадались небольшія, и управляться съ ними было не трудно. Но когда мы уже отплыли на середину рѣки, на насъ налетѣла громадная, зубчатая льдина. Багры не могли остановить ея, послышался довольно сильный толчокъ, сухой шелестъ ломающагося льда, и паромъ сразу накренился на бокъ. Лошади безпокойно застучали ногами и усиленно засопѣли, ямщикъ снялъ шапку и началъ быстро креститься.

Гребцы бросили весла и схватили багры. Прошло нѣсколько томительныхъ мгновеній; какъ бы раздумывая, паромъ началъ слегка раскачиваться и наконецъ принялъ прежнее положеніе. Льдина, сдерживаемая четырьмя баграми на аршинъ отъ парома, сносила насъ внизъ. Паромъ, держась на почтительномъ разстояніи отъ опасной глыбы, началъ понемногу огибать ее, и наконецъ льдина осталась за нами. А за это время теченіе снесло паромъ очень далеко, и приходилось выгребаться до помоста, у котораго можно было причалить паромъ.

Тутъ уже опаснаго ничего не было: мы плыли почти у самаго берега, подталкиваясь баграми, и крупныхъ льдинъ здѣсь намъ не встрѣчалось.

Лошади радостно заржали, когда паромъ остановился у помоста. Не скажу и про себя, чтобы и я не обрадовался окончанію переправы. Дѣло съ

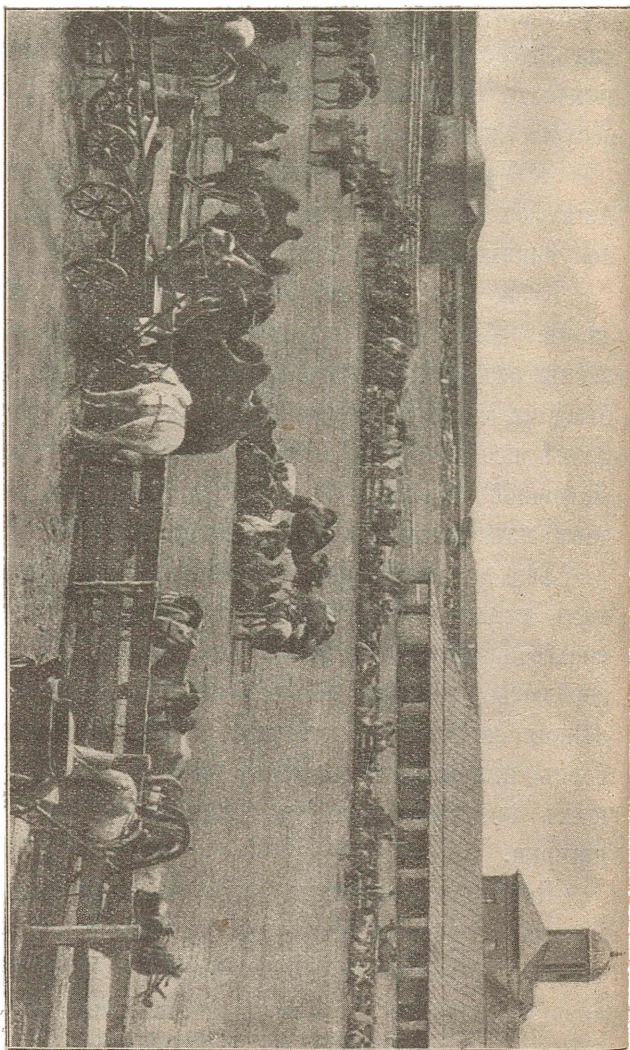
перевозомъ выходило не такъ просто, какъ я думалъ, и если Уралъ не страшень своимъ многоводіемъ, то страшень быстротой, съ которой по немъ несутся льдины...

За Ураломъ уже начиналась Азія, настоящая Азія, съ ея широкими привольными степями, съ полудикими кочевниками.

Влѣво отъ дороги бѣлѣлъ громадный мѣновой дворъ, обнесенный высокой каменной стѣной. Съ весны онъ наполняется баранами, лошадьми и верблюдами съ бухарскими товарами. Здѣсь киргизы, кромѣ необходимаго, могутъ найти и всё предметы восточной роскоши. Сюда тянутся караваны верблюдовъ изъ далекой Бухары, Хивы...

Еще не далеко ушло то время, когда при покупкахъ всѣхъ вещей золото и серебро замѣнялись трехгодовалыми баранами; на нихъ оцѣнивались верблюды, лошади, ковры, шелковыя ткани, деревянная посуда и кибитки. Этотъ удивительный торгъ напоминаетъ далекое прошлое, когда у нашихъ предковъ мѣновыми единицами были куньи шкурки.

По угламъ мѣнового двора высятся башни съ узкими прорѣзами для пушекъ, чтобы въ случаѣ нападенія можно было стрѣлять... Еще недавно казаки грабили киргизовъ, а киргизы русскихъ.

Мѣновой дворъ.

Теперь вся степь мирная, и, говорятъ, всюду можно ѣздить!

Степь встрѣтила меня крайне непривѣтливо. Сильный пронзительный вѣтеръ продувалъ мою шубу, и я ежился точно при морозѣ. Сѣрая разорванная тучи заволакивали все небо и придавали всему унылый, сѣрый видъ. Эта степь значительно отличалась по своему виду отъ степей южной Россіи и Крима. Тамъ она кругомъ ровная, какая-нибудь ложбинка или впадинка попадаетъ очень рѣдко, вмѣсто бугровъ или возвышенностей кое-гдѣ разбросаны насыпанные холмы (могилы) или для сторожевыхъ цѣлей, или какъ память о знаменитыхъ вождяхъ и полководцахъ глубокой старины. Здѣсь же вся мѣстность холмистая, и по бокамъ дороги видны иногда красноватая осыпи глины. Въ глубокихъ ложбинахъ лежалъ еще снѣгъ, и около него расплывались лужицы. Въ такихъ мѣстахъ колеса вязли и лошади съ трудомъ вытаскивали ноги. Около настоящей почтовой дороги неимовѣрной ширины, съ телеграфными столбами, по обѣимъ сторонамъ виднѣлись пашни Оренбургскихъ казаковъ. Этотъ кусокъ отъ Урала до Илека давно уже захватили у киргизовъ казаки.

Къ Донгузу, небольшому селу, мы подѣхали въ сумеркахъ. Черезъ село протекалъ ручеекъ Донгузь, что по-киргизски означаетъ «свинья», и надо

сказать, что въ эту весну онъ оправдалъ свое названіе: при переѣздѣ черезъ него, по увѣреніямъ моего ямщика, рѣдко у кого не случалось худого.

Переночевавъ на почтовой станціи, утромъ я поѣхалъ дальше, къ городу Илецкой-защитѣ. Дорога носила все тотъ же характеръ волнистой, голой возвышенности. Вся эта часть какъ бы служить продолженіемъ отроговъ Уральскаго хребта. Со стороны дороги Илецкая-защита представляетъ очень мало красиваго: сѣрыя деревянныя крыши, сѣрые дома, сѣрые заборы. Отъ всего этого вѣяло затхлостью и убожествомъ.

За Илецкой-защитой путь лежалъ мимо знаменитыхъ Илецкихъ соляныхъ копей. Раньше соль здѣсь добывалась обнаженіемъ земли, и громадная широкая ямина служила доказательствомъ большого количества выбранной соли. Теперь такой способъ нашли непригоднымъ и начали дѣлать шахты. По своему качеству илецкая соль считается очень хорошей, и ежегодно ея добывается около 2 милліоновъ пудовъ.

За копиями дорога спускалась внизъ. Мы перѣбрались черезъ небольшой ручеекъ и поѣхали возлѣ рѣдкой ольховой заросли, вдоль рѣки Илека. Верстахъ въ 6—7 ходилъ паромъ.

Ледъ на Илекѣ уже прошелъ. Паромъ здѣсь ходилъ по веревкѣ. Быстрота теченія здѣсь, пожалуй, была еще больше, чѣмъ на Уралѣ. Около па-

рома на томъ и другомъ берегу стояло нѣсколько повозокъ. Тутъ я впервые увидѣлъ настоящихъ киргизовъ и верблюдовъ.

Верблюды—«аиръ-тюя» поразили меня безобразіемъ: лохматые, грязные, съ разорванными ноздрями, изъ которыхъ торчала короткая палка, они имѣли довольно жалкій видъ.

На другомъ берегу рѣки еще издали мое вниманіе привлекъ громадный, почти бѣлый, одnogорбый верблюдъ. Онъ казался великаномъ и красавцемъ среди невзрачныхъ двугорбыхъ верблюдовъ.

Оказалось, что это былъ «акъ-тюя»—египетскій верблюдъ. Онъ цѣнится дорого и попадаетъ здѣсь довольно рѣдко. Это степной скороходъ, который за поясъ заткнетъ даже быстроногихъ степныхъ лошадей. На нихъ ѣздятъ исключительно верхомъ, а для перевозки вьюковъ или кибитокъ запрягаютъ двугорбыхъ—аиръ-тюя.

Въ ожиданіи парома верблюды спокойно лежали на землѣ. Всѣ они серьезнымъ, почти строгимъ взглядомъ внимательно слѣдили за приближеніемъ парома. Когда нашъ паромъ причалилъ, киргизы подошли къ нимъ.

Послышались слова: «Сорропъ, сорропъ»... Послушные сейчасъ же поднялись, а не послушныхъ начали дергать за веревку, которая была прикрѣплена къ палкѣ, продѣтой сквозь носъ. Очевидно,

что раздирание ноздрей не особенно нравилось верблюдамъ, — они начинали жалобно кричать, дѣлали рѣзкое движеніе впередъ и становились на заднія ноги, а потомъ обратнымъ движеніемъ головы назадъ и вверхъ вставали на переднія. Киргизы повели ихъ на паромъ и ставили другъ возлѣ друга. Верблюжье послушаніе меня поразило; я никакъ не ожидалъ, чтобы верблюды, при ихъ свирѣпой наружности, были такъ кротки!

Отъ перевоза мы поднялись на гору, проѣхали мимо нѣсколькихъ русскихъ хатокъ и поѣхали ровной степью.

* *
*

За Илекомъ начинались Тургайская степь и область, область киргизовъ, верблюдовъ, овецъ и безпредѣльной полынной, ковыльной и песчаной степи.

Уже Ураломъ Европа кончилась, а съ Илека начинались настоящія мѣста киргизовъ, — этого страннаго народа, который ужъ много вѣковъ почти по-евангельски живетъ: не сѣетъ и не жнетъ...

Постоянно они бродятъ по степямъ, поднимаясь далеко на сѣверъ лѣтомъ и спускаясь къ осени къ берегамъ Аральскаго и Каспійскаго морей.

Ихъ кочевки связаны кормомъ для скота. Лѣтомъ, когда знойное солнце сжигаетъ всю расти-

тельность на югѣ и солонцеватая вода въ степныхъ колодцахъ почти высыхаетъ, — скотъ гонять изъ песчаныхъ голодныхъ степей на сѣверъ, къ глинистымъ и черноземнымъ полосамъ. Тутъ овцы нагуливаютъ себѣ на сочныхъ, жирныхъ травахъ громадные, круглые курдюки, а ихъ хозяева, слѣдуя ихъ примѣру, тоже обрастаютъ за лѣто толстымъ слоемъ жира отъ безмѣрнаго поглощенія кумыса. Кумысъ для киргиза — и пища и питье, но и отъ жирной баранины киргизъ никогда не откажется!

Скотоводы по происхожденію, они не употребляютъ хлѣба. И пищу, и одежду, и топливо, — все даетъ имъ скотъ и главнымъ образомъ овцы. Все ихъ хозяйство и весь ихъ бытъ переносить насъ въ далекія, далекія прошлыя времена... Здѣсь воочию можно видѣть дикарей, которые отстали отъ европейцевъ по крайней мѣрѣ на двѣ тысячи лѣтъ.

II.

Дуль рѣзкій, сильный вѣтеръ и настолько холодный, что даже въ бараньей шубѣ я чувствовалъ себя не вполне хорошо. Такая погода портила мое настроеніе. Я почему-то думалъ, что степь встрѣтитъ меня сіяющимъ солнцемъ, весеннимъ тепломъ и зелеными побѣгами густыхъ молодыхъ травъ.

Ничего этого не было, и вмѣсто весенняго на-

строения создавалось осеннее. Я повертывался къ вѣтру спиной, пряталъ руки, ежился, — словомъ, веселаго въ моей поѣздкѣ оказывалось пока мало.

— Вотъ и Хобда! сказалъ ямщикъ, указывая мнѣ на узкую полоску воды.

Широкимъ лугомъ мы подѣхали почти къ самой водѣ. Рѣчушка оказалась еще меньше, чѣмъ Илекъ, но быстро и сердито неслась и била въ противоположный обрывистый берегъ. Ямщикъ началъ кричать, и сейчасъ же нѣсколько киргизовъ вышли на обрывъ. Всѣ они мнѣ показались необыкновенно большими, чуть не великанами; особенно меня поразили ихъ огромныя шапки, придававшія имъ всѣмъ видъ настоящихъ дикарей. Съ другой стороны, толстые, длинные халаты, перетянутые ремешкомъ, напоминали скорѣе женскія юбки, чѣмъ одежду мужчинъ.

Ямщикъ что-то прокричалъ имъ по-киргизски, тѣ, въ свою очередь, отвѣтили и своимъ отвѣтомъ заставили выругаться ямщика.

Онъ опять имъ закричалъ, тѣ отвѣтили, указывая на рѣку, и еще болѣе разозлили ямщика... Шла настоящая перебранка, въ которой я ни слова не понималъ.

— Что такое они говорятъ? спросилъ я ямщика.

— Везти боятся черезъ рѣчку: говорятъ, волна

большая! И онъ опять закричалъ имъ что-то по-киргизски, и скоро въ рукахъ одного изъ киргизовъ показалась лопатка, и онъ сошелъ внизъ къ лодкѣ и поѣхалъ къ намъ.

По всему было видно, что для степныхъ жителей вода—дѣло непривычное. Лодка виляла во всѣ стороны, гребецъ перекидывалъ лопату то на одинъ, то на другой бокъ, и переѣздъ черезъ 4—5-саженную рѣчку продолжался очень долго.

Ямщикъ снялъ мои вещи и, не дожидаясь лодки, простился со мной и уѣхалъ. Я со своими вещами остался одинъ среди киргизской степи.

Что-то похожее на страхъ или боязнь передъ неизвѣстнымъ шевельнулось у меня въ груди, но я тотчасъ же подавилъ это чувство.

Лодка причалила. Захватили всѣ мои вещи, и мы благополучно перебрались на другой берегъ. Мои двѣ корзины взялъ великанъ, и я сталъ подниматься за нимъ на берегъ. Шагахъ въ 15-ти отъ воды мы уткнулись въ земляной заборъ, обогнули его и вступили внутрь двора, вошли въ какой-то низкій навѣсъ, и я очутился въ киргизской землянкѣ. Въ ней было совсѣмъ темно; сильный запахъ навоза давалъ себя чувствовать... Великанъ зажегъ спичку, пошарилъ немного и досталъ жестяную лампочку. При ея свѣтѣ мой великанъ началъ разоблачаться.

Съ первымъ же ватнымъ халатомъ онъ почти на половину уменьшился въ объемъ, второй и третій халатъ сдѣлали его такимъ же худымъ, какъ я, снятая же шапка совсѣмъ лишила его того уваженія, которое онъ внушалъ мнѣ своими размѣрами: мой великанъ оказался всего на вершокъ или полтора выше меня, но и такое превосходство нужно наполовину отнести къ высокимъ каблукамъ его замысловатыхъ сапогъ. Если бы такое превращеніе не совершилось на моихъ глазахъ,—я счелъ бы его за киргизское чудо! Оказалось, что всѣ его громадныя размѣры дѣлали толстый длинный халатъ и высокая шапка.

Одно только осталось неизмѣннымъ—это широкое, плоское лицо. Оно при худомъ тѣлѣ и тонкой шеѣ казалось еще шире и больше...

Я послѣдовалъ его примѣру и тоже снялъ съ себя шубу.

— Ты меня повезешь? спросилъ я.

— Я, я! тоненькимъ голоскомъ протянулъ Магметъ.—Твой къ управитель ѣдетъ?

— Да! отвѣтилъ я.

— Мало-мало ждать будешь! Правитель вчера городъ уѣхалъ. Три-четыре день обѣщалъ гулять! ломанымъ языкомъ говорилъ киргизъ.

Опять неудача! Я готовъ былъ выскочить и

броситься за ямщикомъ: до такой стѣнени меня ошеломило это сообщеніе.

Въ сущности управитель мнѣ не былъ нуженъ, но его имя нужно было только для объясненія моей поѣздки, а теперь и послѣдняя почва ускользнула изъ подъ моихъ ногъ. Куда я теперь поѣду?

— Можетъ, управитель скоро будетъ? спросилъ я Магмета.

Онъ закивалъ отрицательно головой.

— Большой русскій праздникъ завтра. Начальниковъ въ городѣ много! Управитель туды-сюды гости ходи,—недѣля мало прошелъ. Въ землянка три баба осталась. Писарь вчера Джирень-купа поѣхалъ.

— А Джирень-купа далеко отсюда? ухватился я за эту мысль.

— Утромъ поѣзжалъ, обѣдъ тамъ бывалъ.

— Ну, такъ я тоже завтра туда ѣду! обрадовался я возможности куда-нибудь поѣхать. И ямщикъ говорилъ про Джирень-кupu, да и еще раньше, въ дорогѣ, я слышалъ, что тамъ есть киргизская школа и живутъ русскіе поселенцы. «Махну туда, если никуда больше нельзя ѣхать!» рѣшилъ я.

— Туда можно! отвѣтилъ киргизъ.

Во время нашихъ разговоровъ вошло какое-то маленькое согнутое существо, высыпало что-то изъ подола и начало разводить огонь. Эта женщина ока-

залась женою Магмета. Отъ ея стараній скоро вся землянка наполнилась ѣдкимъ дымомъ, по которому можно было безошибочно узнать, каково происхожденіе топлива... *).

Я сталъ приглядываться къ киргизскому жилью. Стѣны сложены были изъ кусковъ дерна, а вмѣсто потолка надъ самой головой висѣла плоская тростниковая крыша. Отъ дверей землянку перегородивалъ плетень аршина въ два. За плетнемъ виднѣлись телята. Въ той половинѣ, гдѣ помѣщались люди, посрединѣ былъ устроенъ большой очагъ, съ вмазаннымъ котломъ; отъ него была выведена кривая труба наверхъ. Это сооруженіе жены Магмета сильно растрескалось отъ огня, и дымъ свободно выходилъ изъ щелей. На нѣкоторомъ разстояніи отъ очага лежала широкая, во всю ширину землянки, кошма... На ней подъ одѣялами копошились трое дѣтей Магмета. Кошма была мѣстомъ и для спанья и для сидѣнья. На ней усѣлся и я. Около стѣнъ тянулся рядъ сундуковъ, обшитыхъ бѣлымъ войлокомъ съ коричневыми полосками. Возлѣ самага очага лежали кухонныя принадлежности.

Я сталъ раскладывать свои съѣстные припасы

*) Степные жители на топливо употребляютъ сухой пометъ скота; иногда въ скотскіе загоны набрасываютъ по временамъ слой соломы, а потомъ лопатками рѣжутъ навозъ на куски и сушатъ его на солнцѣ. Такое топливо называется кизякомъ. Лучшій кизякъ получается изъ овечьяго помета.

и спрашивать Магмета, но дѣло это оказалось довольно затруднительнымъ: онъ почти не умѣлъ говорить по-русски и очень плохо понималъ меня.

Дѣтишки, движимыя любопытствомъ, вылѣзли изъ-подъ одѣялъ и придвинулись поближе ко мнѣ. Ихъ узкіе, щелевидные глаза такъ и бѣгали за каждымъ моимъ движеніемъ. Каждая коробочка вызвала у нихъ ужимки, перемигиваніе; они сидѣли на корточкахъ и всѣ ежеминутно чесали то одну, то другую часть тѣла...

Это были настоящія маленькія обезьянки!

Киргизка достала маленькій жестяной самоварчикъ и начала деревянной миской черпать кипятокъ изъ котла и наливать въ самоваръ. Этотъ самоваръ безъ углей она поставила около меня. Для своей же семьи она отлила кипятку въ большой чайникъ и изъ него уже наливала чай. Первая чашка досталась Магмету. Ему же первому была подана и деревянная миска съ молокомъ. Мнѣ молоко киргизка подала отдѣльно. Каждый членъ семьи впускалъ себѣ въ чай молока,—не больше одной чайной ложки,—и я, вѣроятно, сдѣлалъ большое неприличіе, когда бухнулъ молока въ свой стаканъ безъ мѣры; дѣти сдѣлали рѣзкое движеніе и вопросительно взглянули на отца.

Сдѣлалъ я это потому, что кипятокъ имѣлъ

у киргизовъ.

ВОООО

2

очень мутный цвѣтъ и запахъ чая не перебивалъ какого-то страннаго привкуса...

Расчеты мои однако не оправдались: съ молокомъ вышло еще хуже.

Больше двухъ стакановъ я не могъ выпить, но киргизы пили очень много, особенно Магметъ. Онъ прекратилъ чаепитіе только тогда, когда киргизка большой деревянной ложкой наложила въ деревянныя же круглыя мисочки рисовую кашу и по старшинству опять преподнесла всѣмъ по очереди. Я тоже попробовалъ своей ложкой кашу, но она мнѣ показалась довольно безвкусной.

— Какъ это называется? спросилъ я.

— Кужа! Что, у русски лучше бываетъ?

— У насъ такой не дѣлаютъ! уклончиво отвѣтилъ я, не желая огорчать хозяевъ.

Всѣ ѣли прямо изъ мисокъ. Оказывается, что «кужа»—самое распространенное кушанье киргизовъ. Сѣять просо киргизы предпочитаютъ посѣву всякихъ другихъ злаковъ, и оно здѣсь приноситъ самые большіе урожаи. Кромѣ того, высыпавшіяся сѣмена на слѣдующій годъ безъ всякаго участія хозяина приносятъ ему вторую жатву, а иногда и третью, и это свойство проса киргизы очень цѣнятъ.

По окончаніи ѣды пустыя деревянныя чашки стали возвращать въ руки хозяйкѣ. И тутъ мнѣ

пришлось видѣть любопытное зрѣлище киргизскаго мытья посуды: киргизка указательнымъ пальцемъ удивительно ловко сняла всѣ крупинки въ чашкѣ и, когда увидѣла, что пальцу уже дѣлать нечего, вылизала языкомъ всю внутренность миски.

Дѣйствовала она очень быстро, и скоро всѣ пять чашекъ были вычищены и убраны въ сундукъ. Такой же участи подверглась чашка, изъ которой я пилъ молоко.

Нѣсколько иной приѣмъ она употребила для чистки котла. Тамъ сначала орудовала деревянная ложка, потомъ пальцы, вмѣсто же языка пошла въ ходъ небольшая связочка прутьевъ, которая уже заканчивала чистку котла. Признаюсь, такой способъ чистки подѣйствовалъ на меня опешомляюще! Сколько я книгъ ни прочиталъ о киргизахъ, но ни въ одной изъ нихъ не упоминалось о такомъ странномъ способѣ чистить кухонную посуду съ помощью собственныхъ пальцевъ и языка...

Я человекъ не изъ брезгливыхъ, но такіе приемы покоробили меня, и я почувствовалъ какую-то неловкость въ желудкѣ отъ выпитаго чая и «кужи».

Судьбѣ было угодно однако еще продолжить мое знакомство съ нечистоплотностью киргизовъ.

Магметъ началъ спрашивать, не умѣю ли я лѣчить. Я отвѣтилъ, что совсѣмъ не умѣю, но онъ все-таки пожелалъ показать мнѣ свою болѣзнь,

снялъ послѣдній халатъ, засучилъ рукавъ, и я на его рукѣ увидѣлъ громадную рану...

— Нужно къ доктору ѣхать въ городъ, чтобы онъ вылѣчилъ!

— Докторъ нѣтъ у насъ. Фельшеръ Джирень-купа былъ, лѣкарства далъ! И онъ кивнулъ дѣвочкѣ. Та подбѣжала къ сундуку и вытащила оттуда какія-то тряпки. Магметъ торжественно поднесъ ихъ ко мнѣ. Это былъ громадный грязный пластырь.

— Нужно на ранѣ его держать, а не въ сундукѣ! сказалъ я.

Магметъ вмѣсто отвѣта махнулъ рукой и отдалъ тряпку дѣвочкѣ. Та взяла и опять направилась къ сундуку. О, ужасъ! тутъ только я замѣтилъ, что она вынимала пластырь и клала его въ тотъ же самый сундукъ, въ который киргизка ставила чашки...

— Выброси вонъ! не выдержалъ я, но Магметъ, вмѣсто отвѣта, отрицательно закивалъ головой.

Считалъ ли онъ, что достаточно одного присутствія въ землянкѣ пластыря, чтобы рана зажила, или же думалъ, что въ будущемъ онъ можетъ пригодиться, объ этомъ я не сталъ спрашивать.

На чаепитіе и приготовленіе кужи ушло довольно много времени, и Магметъ сталъ совершать вечерній намазъ (молитву). Однако онъ молился вовсе не по приему набожныхъ мусульманъ: не мылся,

не разостлалъ коврика, а тутъ же на кошмѣ поглядѣлъ съ минутой на потолокъ, положилъ поклонъ и сталъ закутываться въ халаты.

Всѣ путешественники въ одинъ голосъ утверждаютъ, что киргизы самый нерелигіозный народъ. Магометанами они стали очень недавно. Они переняли отъ магометанъ нѣкоторые обряды, но весь народъ и до сихъ поръ имѣетъ смутное понятіе о Богѣ и Его пророкѣ Магометѣ. Одинъ изслѣдователь пишетъ: «Въ одномъ аулѣ, во время вечерняго намаза, за читавшимъ молитвы муллою стояло нѣсколько киргизовъ, повторявшихъ тѣлодвиженія и возгласы муллы, но гораздо болѣе было такихъ, которые, сидя нѣсколько поодаль, никакого участія въ молитвѣ не принимали. Одного изъ этихъ послѣднихъ я зналъ и потому спросилъ, почему онъ не молится. «Молился прежде, да лѣтъ пять тому назадъ бросилъ, потому что пользы отъ того никакой не вижу». Можно думать, что и сидѣвшіе съ этимъ киргизомъ товарищи вполне раздѣляли его взглядъ».

Эта сценка мнѣ очень живо вспоминалась, когда Магметъ такъ просто посмотрѣлъ на свой камышевый потолокъ и мотнулъ головой. Очевидно, и онъ не получалъ отъ своихъ молитвъ большой пользы, иначе его молитва была бы болѣе продолжительна.

Я тоже началъ готовиться къ ночлегу, разо-

стлалъ свое непромокаемое пальто и укрылся шубой. Киргизка все еще возилась со своимъ хозяйствомъ, кизякъ истлѣлъ, и его бѣлые, перегорѣвшіе куски уже не грѣли землянки.

Отворилась дверь, и не успѣлъ я обернуться, какъ кто-то перешагнулъ черезъ меня. Это, оказалось, старшій сынъ Магмета; онъ подошелъ къ отцу и молча сталъ разоблачаться. Киргизка тоже стала готовиться къ ночлегу, потушила лампочку, и наступила тишина, изрѣдка нарушаемая мычаніемъ телятъ и топаніемъ ихъ ногъ.

Спалъ я довольно хорошо; только обиліе блохъ, которыя накинудись на свѣжую кровь, заставляло меня ворочаться, но, къ счастью, онѣ пили кровь такъ деликатно, что я не слышалъ боли, а чувствовалъ лишь одно щекотанье. Подъ утро я такъ крѣпко заснулъ, что пробудился лишь отъ братскаго лобзанія со мной теленка. Онъ какимъ-то образомъ вышелъ изъ изгороди и началъ облизывать мою фізіономію. Его товарищи, вѣроятно, изъ зависти, подняли дружное мычаніе. Проснулась киргизка, прогнала привѣтливаго теленка на свое мѣсто и успокоила остальныхъ. Опять она принесла цѣлый подоль кизяка и стала разводять огонь. Когда землянка наполнилась дымомъ, она взяла ведро и сходила за водой. Эта вода была вылита въ котелъ,

и я съ ужасомъ подумалъ, что опять долженъ буду пить чай съ особымъ ароматомъ.

Магметъ и вся остальная семья спали. Магмету не о чемъ было заботиться. У киргизовъ все хозяйство ведутъ женщины. Онѣ кормятъ, обмываютъ, одѣваютъ всю семью, ухаживаютъ за скотомъ, даже выочатъ на верблюдовъ юрту и тяжелые сундуки...

Киргизу никогда не придетъ въ голову помочь женѣ въ укладкѣ или устройствѣ юрты; его дѣло ѣздить въ гости, пить кумысъ, спать...

Мнѣ положительно противно стало смотрѣть на Магмета. Онѣ всталъ, когда вода уже закипѣла. Маленькая, тщедушная женщина суетилась, хлопотала, а онѣ важно сидѣлъ на кошмѣ и пальцемъ не шевелилъ, чтобы что-нибудь сдѣлать.

Я выпилъ свой чай съ отвращеніемъ, онѣ мнѣ показался еще хуже, чѣмъ вчера, хотя я прибавилъ туда много клюквеннаго морса.

— Ну, что жъ, пора ѣхать! обратился я къ Магмету.

— Мало погоди! отвѣтилъ за него сынъ.— Нужно кушать сначала. Сынъ говорилъ по-русски лучше отца. Киргизка начала готовить: вода изъ котла вычерпалась, и грязная тряпка выбрала всѣ остатки влаги; туда же киргизка бросила нѣсколько кусковъ сала, а въ деревянную чашку насыпала горсточку муки, налила воды и, держа одной рукой

чашку, другой стала размѣшивать муку. Киргизки еще не додумались до того, чтобы ставить чашки на полъ и размѣшивать двумя руками. Впрочемъ и немудрено, что онѣ не умѣюгъ мѣсить тѣста: хлѣба киргизы не пекутъ, хотя сильно его любятъ.

Сало начало кипѣть и брызгать изъ котла, а киргизка все мяла и мяла тѣсто. Она раскатала его между ладонями, взяла ножъ и нарѣзала маленькими кусочками. Эти кусочки она бросила въ котелъ, и черезъ нѣсколько минутъ они изжарились въ кипящемъ салѣ.

Главѣ семейства отсыпана была львиная доля кусочковъ, а остальнымъ членамъ семьи, въ томъ числѣ и киргизкѣ, осталось по нѣсколько штукъ.

Это тоже одна изъ особенностей киргизской жизни: дѣти и женщины должны довольствоваться остатками; когда же бываютъ гости, у которыхъ аппетитъ на чужой кусокъ развивается до невѣроятныхъ размѣровъ, то зачастую женамъ отъ цѣлаго барана достаются только однѣ обглоданныя кости...

Мнѣ тоже была отсыпана доля «баурсака», но я рѣшительно отказался отъ такого угощенія! Кромѣ вчерашней грязи, я видѣлъ, какъ киргизка разламывала куски кизяка и этими же руками стала мѣсить тѣсто. Вѣсть при такихъ условіяхъ «баурсакъ» оказывалось выше моихъ силъ...

Послѣ ѣды отецъ съ сыномъ вышли пригото-
влять мнѣ повозку. По-киргизски, не спѣша, они
ровно часъ возились съ ней, и только въ десятомъ
часу я могъ выѣхать.

Ш.

Потянулись опять безконечныя, безпредѣльныя
степи, но погода и на этотъ разъ не баловала
меня! Опять дулъ тотъ же самый невыносимый
вѣтеръ, и я сталъ благодарить судьбу, что киргизка
такъ долго копалась за приготовленіемъ ѣды.

Живя въ городѣ, никакъ не предполагаешь,
чтобы въ степи даже при солнцѣ было такъ холод-
но! Но, несмотря на холодъ, степь все-таки про-
буждалась! Воздухъ оглашался новыми для меня
пѣснями бѣлокрылыхъ жаворонковъ.

Ихъ было тутъ множество,—отъ этого и край
свой киргизы называютъ «Тургай» (жаворонокъ).
Бѣлокрылые жаворонки съ ихъ коричневыми спин-
ками рѣзко выдѣлялись среди степныхъ жаворон-
ковъ, съ черными ошейниками, и нашихъ поле-
выхъ — сѣренькихъ. Ихъ пѣсни звенѣли, смѣ-
шивались между собою и разносились вѣтромъ...
Все же лучше всѣхъ пѣлъ полевой жаворонокъ; пѣ-
ніе бѣлокрылаго показалось мнѣ хуже, чѣмъ
степного, у котораго недостатокъ въ разнообразіи

колѣнъ и непріятное цурчаніе выкупается звонкими трелями мощной силы; пѣсня же бѣлокрылаго на-поминала плохое, однообразное подражаніе полевому.

Мы ѣхали безъ дороги. Въ степи вообще очень мало дорогъ, и киргизы ѣдутъ какъ кому вздумается. Ихъ вѣковая привычка къ степи никогда не допуститъ ихъ ошибиться въ направленіи.

Русскіе солдаты, даже казаки, въ глубинѣ степей чувствуютъ себя безпомощными, опредѣляютъ страны свѣта по солнцу, звѣздамъ, компасу; очень часто отдѣльные отряды сбивались съ вѣрнаго пути. Киргизъ же не только не прибѣгаетъ къ компасу, но даже и не задумывается ни днемъ, ни ночью, въ какую сторону ему нужно поѣхать,—онъ, какъ птица гнѣздо, знаетъ свое кочевье и выбираетъ къ нему самый ближайшій путь!

Дорогой я сталъ разспрашивать Аблая объ ихъ жизни въ землянкахъ. Онъ часто бывалъ въ Илецкѣ, ѣздилъ даже въ Оренбургъ и находилъ, что русскіе живутъ гораздо лучше киргизовъ и что въ ихъ «кыстау» (землянкахъ) зимой очень холодно и гадко... Однако онъ прибавилъ, что у другихъ землянки еще хуже, чѣмъ у его отца, а нѣкоторые киргизы, которые кочуютъ по Уилу, даже и зимой живутъ въ войлочныхъ юртахъ.

— Почему же они не сдѣлаютъ себѣ землянокъ?

Навѣрно, и они находятъ, что въ юртахъ хуже? спросилъ я.

— Такъ, не привыкли еще! Мало-мало погоди, киргизы тоже начнутъ деревнями, какъ русскіе, жить! отвѣтилъ Аблай.

— Конечно, слѣдуетъ, — гораздо лучше, чѣмъ кочевать.

— Киргизу хуже! Киргизъ любитъ кочевать, да нельзя: начнетъ киргизъ кочевать, — русскій всю землю захватить!

— Что ты толкуешь! Какъ это можно?

— Русскій все можетъ! Джирень-купа пришелъ, церковь строилъ, — говоритъ: «Теперь моя земля! Киргизъ не смѣетъ трогать церкви!» Киргизы ему 500 десятинъ своей земли дали. Узналъ народъ, — сталъ Джирень-купа пріѣзжать и землю требовать. Наши отказали, — начальство пріѣзжало, киргизовъ просило на годъ землю дать, чтобы мужикъ не помиралъ. Наши киргизы еще 200 десятинъ дали, а русскіе не хотятъ уѣзжать: все думаютъ, что имъ всю нашу землю отдадутъ. Земля наша, киргизская, а русскіе не хотятъ понимать, — у васъ, говорятъ, много лишней, а у насъ совсѣмъ нѣтъ!

Разговоръ нашъ на этомъ прекратился, сзади я услышалъ топотъ, — и обернулся. На рысяхъ скакалъ къ намъ молодой киргизъ. «Ужъ не нападеніе ли?» мелькнула у меня мысль въ головѣ. — «Нѣтъ,

онъ одинъ!» успокоилъ я себя тотчасъ. Киргизъ подскакалъ къ нашей повозкѣ вплотную и что-то спросилъ. Аблай долго ему говорилъ, а въ это время незнакомецъ довольно безцеремонно осматривалъ меня. Когда Аблай кончилъ, онъ объѣхалъ вокругъ повозки и такимъ же галопомъ поскакалъ прочь. Мнѣ показался очень подозрительнымъ подробный осмотръ меня и моихъ вещей.

— Аблай, чего онъ подъѣзжалъ къ намъ? спросилъ я. Аблай улыбнулся:

— Увидѣлъ, что ѣдетъ человѣкъ незнакомый, — прискакалъ поглядѣть на тебя, твои вещи, и узнать, какой ты человѣкъ и зачѣмъ ѣдешь?

— Зачѣмъ же это ему?

— Поскачетъ къ богатому киргизу и скажетъ, что у него хабаръ (новость) есть. Ему мало-мало кушать дадутъ, а онъ будетъ за это говорить про тебя. Потомъ поѣдетъ въ другой аулъ, и тамъ ему за хабаръ кушать дадутъ.

— Этакъ онъ и будетъ разъѣзжать и кушать у всѣхъ за то, что увидѣлъ меня? изумился я такому странному обычаю.

— Нѣтъ, одинъ, два раза рассказалъ, — вся степь узнаетъ! Пока онъ сидитъ кушаетъ, — другой, третій скакалъ и всѣмъ рассказалъ про хабаръ.

Я невольно засмѣялся такой остроумной и недорогой передачѣ новостей по необъятной степи!

Версть черезъ пять я увидѣлъ на горизонтѣ едва-едва замѣтную фигуру верхового. Лошадь и всадникъ выдѣлялись все отчетливѣе и отчетливѣе. Теперь ужъ я не сомнѣвался, что рысьи глаза киргиза замѣтили «хабаръ», и я уже самъ предупредилъ Аблая:

— Что, и этотъ за «хабаромъ» скачетъ?

Аблай засмѣялся.

Новый киргизъ, такъ же, какъ и первый, держался рядомъ съ повозкой и внимательно осматривалъ меня. Едва только Аблай окончилъ описаніе моей личности, какъ киргизъ хлестнулъ нагайкой и помчался развозить свой хабаръ и получать даровое угощеніе...

Дальнѣйшій путь нашъ прошелъ безъ всякихъ приключеній. Цѣлинную степь смѣнили пашни съ озимой пшеницей, а за ними показался и Джиренькупинскій базаръ. Поселокъ произвелъ на меня очень странное впечатлѣніе: простыя землянки, хохлацкія мазанки и безформенныя, неуклюжія киргизскія кыстау стояли вперемежку другъ съ другомъ. Дома строились какъ-то зря, не по линіи. Единственное украшеніе Джиренькупы составляла хорошая каменная киргизская школа. Лавки носили какой-то ярмарочный видъ, точно завтра онѣ должны быть разобраны и увезены въ другое мѣсто. Даже церковь . выглядѣла не очень внушительно. Это былъ

простой бревенчатый сарай человекъ на 30—50, на крышѣ котораго высился крестъ.

Деревянный полъ, стулъ и столикъ въ комнатѣ для прїѣзжающихъ доставили мнѣ истинное удовольствіе! Однѣ сутки я провелъ въ чуждой обстановкѣ, и теперь такъ сильно почувствовалъ всю прелесть деревяннаго пола и обычной мебели!

Я не долго пробылъ одинъ. «Хабарь» уже разошлась по селенію и дошла до ушей урядника. Въ его слегка ошеломленную праздничными угощеніями голову пришла мысль, ужь не ревизоръ ли какой прїѣхалъ. Онъ счелъ самымъ лучшимъ на всякій случай немедленно же явиться ко мнѣ. Мой радушный прїемъ и самые безхитростные уговоры какъ будто успокоили его, и онъ простился со мною, пообѣщавъ прислать ко мнѣ писаря управителя Джирень-купинской волости.

Не прошло и пяти минутъ, какъ дверь начала потихоньку отворяться; въ комнату просунулось бѣлобрысое лицо, потомъ какъ-то бокомъ протискался въ дверь какой-то долговязый человекъ. Это и былъ писарь управителя Джирень-купинской волости.

— Здравствуйте... я пришелъ... проговорилъ онъ.

— Очень радъ, очень радъ! сказалъ я.— Очень прїятно, что зашли. Пожалуйста, садитесь, будемъ чай пить.

— Ничего-съ, благодарю васъ, я уже отпилъ! проговорилъ онъ, непрерывно кланаясь.

— Да вы не стѣсняйтесь. Увѣряю васъ, что я пріѣхалъ не для ревизіи, а прямо отъ нечего дѣлать. Если хотите посидѣть со мной, то я буду очень радъ! Одному сидѣть скучно.

— Ужъ очень удивительно вы пріѣхали! Никому-то ни проходу, ни проѣзду нѣтъ, а вы тутъ, какъ тутъ!

— Времени у меня другого нѣтъ, кромѣ Пасхи! Я самъ знаю, что черезъ недѣли двѣ, три вся степь въ цвѣтахъ была бы. Но у меня тогда и одного дня свободнаго не будетъ. Вотъ и пришлось ѣхать въ самую неудобную пору!

— Да, погодка скверная стоитъ на ваше несчастье!

— Главное, — этотъ вѣтеръ? не будь его, совсѣмъ тепло было бы, а то вѣдь замерзъ такъ; что и носу не хочется никуда показать!

— Вѣтра у насъ рѣдкій день не бываетъ!

— Неужели же и лѣтомъ?

— Цѣлый годъ. Лѣтомъ пыль и жару дѣлаетъ, а зимой бураны. Никогда отъ него покоя нѣтъ ни скотинѣ, ни людямъ. Весной здѣсь еще ничего, а лѣтомъ жара страшная; подуетъ вѣтеръ, понесетъ пыль, песокъ. Песокъ такой крупный, что все лицо, руки иссѣчетъ, даже больно становится! А про зиму

нечего и говорить! Сколько скота погибаетъ у киргизовъ отъ бурановъ да безкормицы!

— Вы давно здѣсь живете?

— Я здѣсь не живу, я съ управителемъ живу верстъ за сто отсюда по Хобдѣ.

— Круглый годъ? удивился я.

— Да, два года уже!

— Гдѣ же вы живете?

— Зимой въ землянкѣ, а лѣтомъ въ юртѣ.

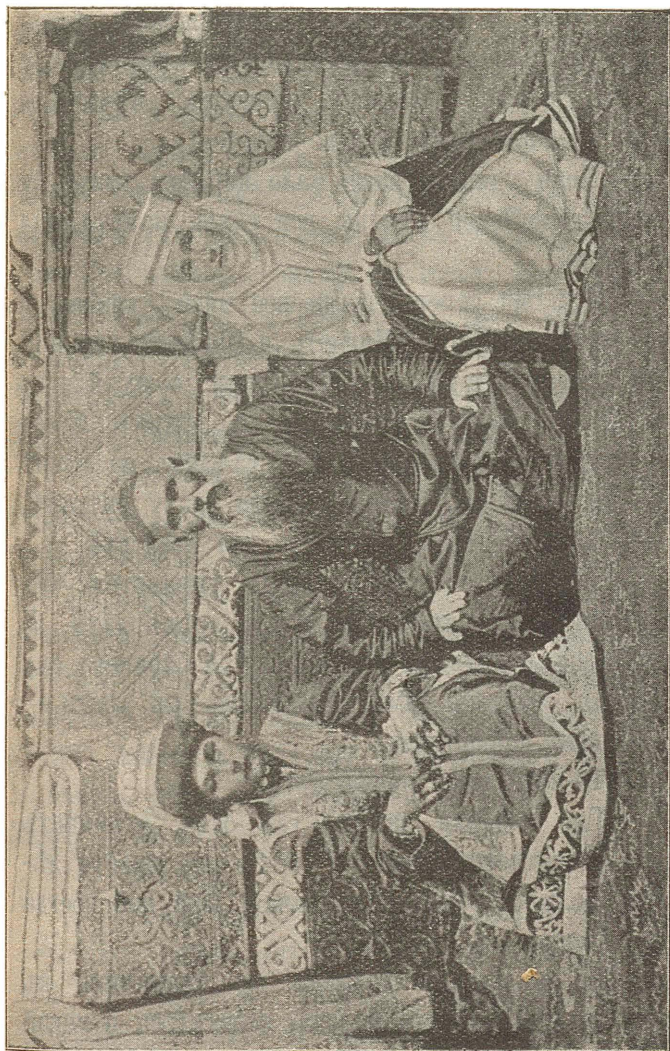
— И ѣдите и спите съ киргизами? вырвалось у меня.

— Да вѣдь что же подѣлаешь?

Я посмотрѣлъ на писаря такими глазами, какъ, вѣроятно, смотрятъ на героя или человѣка, совершающаго великій подвигъ! Жить два года въ той обстановкѣ, въ которой я провелъ только одну ночь для меня казалось чѣмъ-то необычайнымъ.

— Ну, а скажите, какъ же вы ладите съ блохами?

— Къ этому привыкнешь скоро. У управителя все-таки чище, чѣмъ у другихъ киргизовъ. Въ землянкахъ у него есть деревянные нары, а на нихъ блохъ меньше, чѣмъ на полу. Лѣтомъ въ юртѣ онъ даже кровать мнѣ ставилъ. Вотъ къ чему привыкнуть не могу до сихъ поръ, — ѣсть безъ хлѣба! Какъ изъ города ѣду, всегда много хлѣба накуплю: хотя зачерствѣетъ, а все лучше, чѣмъ куша про-

У КИРГИЗОВЪ.

сяная. Очень у нихъ пища однообразная: кужа, молоко, баранина... Вотъ лѣтомъ еще кумысъ,—ну это дѣйствительно хорошій напитокъ. Чѣмъ его больше пьешь,—тѣмъ больше хочется!

— Меня удивило, какъ мало киргизы ѣдятъ: у Магмета горсточкой мучицы вся семья напилалась! сказалъ я.

— Это они теперь, когда все мясо сушеное у нихъ вышло... Да у Магмета и барановъ мало... А вы посмотрите-ка у управителя: каждый день чуть не по барану съѣдаютъ, а лѣтомъ, когда гости соберутся,— и два и три съѣдятъ за одинъ присѣсть; иной фунтовъ до десяти сразу съѣсть!

— Но такіе гости разореніе для хозяевъ!

— Для бѣднаго такъ, а нашъ управитель богатъ, у него уже три жены и ото всѣхъ дѣти. У всѣхъ женъ отдѣльныя юрты есть! А барановъ ему не жалко: поѣдетъ самъ по ауламъ въ гости,—цѣлое стадо приобрѣтетъ!

— То-есть какъ приобрѣтетъ?

— Гдѣ подарки даютъ, гдѣ самъ отнимаетъ вмѣсто податного сбора. У нихъ это просто дѣлается! Должность такая выгодная! При ней всегда сытъ будешь!

— Но вѣдь онъ долженъ же принимать къ сердцу интересы своего народа, заботиться о немъ?

— А съ какой стати ему о нихъ заботиться!

Не они его выбирали. Ему нужно передъ нашимъ начальствомъ себя оправдать, а не передъ киргизами. Да и кромѣ того, киргизъ развѣ знаетъ, что съ него нужно взять за подати? Что ни потребуетъ управитель, то и подавай. Нашъ-то Арасланъ обдеретъ ихъ какъ липку, а они еще рады, что весь скотъ не отнялъ, — зимой съ голоду не подохнуть! Если бъ все по честности-то, развѣ столько бъ доходовъ Россія получала отъ киргизовъ? Араслана кто станетъ провѣрять? Это нужно жить въ степи да всѣ становища киргизскія знать!

— Но есть же среди киргизовъ грамотные, которые могли бы растолковать народу о томъ, какъ его обираютъ!

— Противъ управителей не пойдешь! У нихъ вся сила! Они теперь въ городъ, вы думаете, съ пустыми руками поѣхали? У нихъ тамъ все друзья, пріятели! Оттуда пріѣдетъ тоже съ подарками и будетъ хвастать, кто ему что подарилъ. Ну, тамъ дураковъ нѣтъ: ему подарятъ на рубль, а съ него сдерутъ на сто!

— Что вы!

— Очень просто! На этомъ всѣхъ киргизовъ ухъ какъ нагрѣвали! Скажутъ: «Я твой другъ, давай потамыримся!» Киргизъ, конечно, радъ, что чиновникъ хочетъ съ нимъ дружбу водить. Подаритъ ему чиновникъ часы тамъ или еще какую-

Киргизская юрта.

нибудь бездѣлицу, а пріѣдетъ къ нему въ гости и начнетъ хвалить: «Эхъ, какой у тебя коврикъ красивый!» — «Хорошъ? Нравится?» спроситъ киргизъ, сейчасъ же сдеретъ съ своей юрты текинскій коверъ, за который бѣдно-бѣдно рублей сто, полтора ста нужно отдать, и положить въ бричку къ своему тамыру. Обычай такой, ничего не подѣлаешь! Иные киргизы, положимъ, теперь тоже узнали повадку чиновниковъ: какъ только ѣдетъ чиновникъ, — сейчасъ все хорошее въ сундуки, а то оберетъ!

— Нечего сказать, невыгодный обычай!

— Ихъ не только на этомъ, а на всемъ накрываютъ.

— Вотъ, значитъ, для нихъ и нужно было бы образованіе!

— Школы-то есть, да толку пока съ нихъ мало. И здѣсь, въ Джирень-купъ хорошая школа: два учителя, одинъ русскій, а другой киргизъ. Можетъ, хотите посмотрѣть? Пойдемте?

— Очень бы хотѣлъ, — только не знаю, ловко ли теперь: первый день праздника...

— Ничего, учитель радъ будетъ, что вы придете къ нему. Когда тутъ новаго человѣка увидишь?

— Пожалуй, пойдемте, попытаемся! сказалъ я, и мы отправились.

Скоро мы входили въ комнату учителя.

Учитель, еще молодой человекъ, слегка сутуловатый, съ землистымъ цвѣтомъ лица, жиденькой бородкой и какими-то безцвѣтными глазами, произвелъ на меня не особенно хорошее впечатлѣніе. Нельзя было опредѣлить, что онъ за человекъ. Жена его мнѣ совсѣмъ не понравилась. Полная, съ некрасивыми, мясистыми чертами лица, она все время ругала Джирень-куну и фыркала на своего супруга за то, что тотъ не повезъ ее въ станицу Изобильную къ «папашѣ», тамошнему лавочнику.

Мнѣ опять пришлось повторить исторію своего путешествія, а послѣ этого мы пошли осматривать киргизскую школу. Писарь воспользовался этимъ и ушелъ къ другимъ знакомымъ, а вмѣсто него на дворъ къ намъ присоединился старшій учитель-киргизъ, завѣдующій школой. Одѣтъ онъ былъ въ европейскую сѣренькую курточку, а на головѣ была круглая татарская шапочка изъ каракулей. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе живого, умнаго человека, съ интересомъ относящагося къ своему дѣлу. По-русски говорилъ онъ совершенно чисто.

Зданіе школы помѣщалось отдѣльно.

Мы вошли въ классъ. Нѣсколько мальчиковъ оказалось въ школѣ. Они сидѣли на скамейкахъ, партахъ и окнахъ. На всѣхъ нихъ были ватные толстые халаты. Нѣкоторые держали въ рукахъ книжки.

Присутствіе новаго, незнакомаго человѣка не смущало мальчиковъ, — они переговаривались между собой и внимательно разглядывали меня.

— Ну, скажи: «Птичка Божія»... обратился завѣдующій къ одному мальчику.

Тотъ началъ говорить, но выговаривалъ съ киргизскимъ произношеніемъ, замѣняя однѣ буквы другими. Особенно рѣзала слухъ замѣна *ч*—*ш*. Мальчикъ съ начала до конца не ошибся ни разу и по окончаніи стиховъ побѣдоносно оглядѣлъ всѣхъ своихъ товарищей.

— Онъ одинъ годъ учится! Трудно приходится съ ними: пріѣзжаютъ къ намъ—по-русски ни одного слова не понимаютъ. Но способности и память почти у всѣхъ хорошія, особенно у молодыхъ.

— А къ вамъ какихъ лѣтъ поступаютъ?

— Вотъ ужъ этого не только я, а и родные не могутъ сказать! Киргизы не считаютъ нужнымъ помнить свои года или своихъ дѣтей. Приблизительно привозятъ отъ двѣнадцати лѣтъ, но есть и гораздо старше, въ четырнадцать, пятнадцать. Наша бѣда въ томъ, что киргизы до сихъ поръ не смотрятъ серьезно на законченное образованіе; къ намъ поступаютъ много, а кончаютъ очень мало: одинъ, два года проучился, и уже отецъ или онъ самъ находятъ это достаточнымъ! сказалъ завѣдующій.

Разговоръ съ нимъ общалъ быть интереснымъ,

но, къ сожалѣнію, къ нему пріѣхало много гостей, и онъ скоро распростился и ушелъ къ себѣ. Я остался опять съ учителемъ-русскимъ. Тотъ предложилъ мнѣ пойти посмотрѣть на ихъ поселокъ. Учитель пригласилъ еще свою супругу, и мы отправились втроемъ.

Отъ общихъ училищныхъ вопросовъ учитель очень скоро перешелъ къ жалобамъ на маленькій окладъ и невыгодность учительскаго занятія, а жена подтягивала ему и ругала киргизское захоlustье, сравнивая Джирень-купу съ Изобильной и не находя достаточныхъ словъ, чтобы изобразить, какъ тамъ все хорошо.

Улица Джирень-купы была пустынна и уныла. Она вовсе не напоминала русскій поселокъ, да еще въ первый день Пасхи! Кучекъ разряженныхъ дѣвушекъ и парней не было видно... Даже дѣтишки, которыя на деревенскихъ улицахъ кишмя кишать,— тутъ отсутствовали. Лишь кое-гдѣ на завалинкѣ или около землянки сидѣли молча два, три человѣка, но и они, поддаваясь общей тишинѣ, не возвышали своихъ голосовъ.

Большое количество землянокъ и отсутствіе всякихъ надворныхъ построекъ дѣлали Джирень-купу похожимъ скорѣе на рабочій таборъ, чѣмъ на поселокъ.

Около одной землянки одиноко сидѣлъ мужчина,

который при видѣ учителя шаговъ за десять снялъ шапку и раскланялся съ нимъ.

— Это вашъ знакомый? спросилъ я.—Пойдемте, пожалуйста, поговоримъ съ нимъ! И не дожидаясь отвѣта, я повернулъ къ поселенцу. Мужичокъ оказался такимъ, какихъ тысячи въ Россіи: средняго роста, худой, съ жиденькой бородкой, блѣднымъ лицомъ, сѣрыми глазами съ выраженіемъ не то забитости, не то покорности судьбѣ...

Онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ землянку, на что я тотчасъ согласился.

Землянка была еще меньше, чѣмъ у Магмета, но первое, что выгодно отличало русскаго отъ киргиза,—это огромная печь, лавка, столъ и кровать.

Бѣдность тутъ открывалась во всей ея наготѣ, но все же на столѣ, покрытомъ чистой скатертью, стоялъ высокій бѣлый хлѣбъ и лежало нѣсколько крашенныхъ яицъ.

Мы усѣлись на лавкѣ, и я сталъ разспрашивать его. Мужичокъ сейчасъ же разразился жалобами на свое горькое житъе. Земля, вишь, киргизская оказывается, и русскому человѣку нельзя ее пахать! Нѣсколько разъ они подавали прошенія министру, самому государю, два раза просили ссуды и погибали отъ голода, пока, наконецъ, не вышло теперь предложеніе переселиться въ Уссурійскій край. Раньше всего 106 семей желали туда ѣхать,

а теперь, когда начальство стало составлять списки, 480 семей записались! Всѣ хотятъ уѣзжать отсюда! Пропади пропадомъ и дома и хозяйство! Лишь бы отсюда уйти! Не первый разъ бросать приходится. Имъ думалось, что въ невѣдомомъ краю почему-то непременно должно быть лучше, и тамъ они заживутъ по настоящему. И какъ просто это говорилось, такъ же просто, вѣроятно, и оставятъ они это постылое мѣсто! Надежда на лучшую долю вытѣснить сожалѣніе о затраченныхъ и потерянныхъ трудахъ... Всѣ двинутся на край свѣта и двинутся такъ же на авось, какъ переселились и сюда, не зная мѣстныхъ условій,—предоставленные самимъ себѣ передъ суровымъ лицомъ чуждой имъ дѣйствительности.

Мужичокъ говорилъ не отъ себя,—ясно, что все это взгляды общіе всѣмъ поселенцамъ.

Убогій видъ избушекъ, разбитыя надежды, уныніе, нищета, а рядомъ—великолѣпная, безконечная цѣлина, ни разу не тронутая плугомъ. Было сдѣлано все, чтобы разжечь и обострить чувство зависти, захвата, но ничего не было сдѣлано для того, чтобы какъ-нибудь устроить эти несчастныя 500 семействъ.

Среди Джирень-купинцевъ мало было такихъ, которые пріѣхали прямо изъ Россіи,—больше собралось изъ различныхъ мѣстъ, гдѣ такъ же неудачно пробовали поселиться; они бѣжали оттуда

сюда, но увы, и тутъ оказалось то же самое! Теперь опять новыя скитанія, новыя надежды и прежняя голодная, нудная жизнь...

Уже вечерѣло, когда мы вышли изъ землянки. Я отказался отъ предложенія учителя итти къ нему пить чай и пошелъ къ себѣ. Я рѣшилъ завтра утромъ ѣхать обратно. Больше въ Джирень-купѣ мнѣ дѣлать было нечего; ѣздить же по киргизскимъ землянкамъ по такому холоду и вѣтру не представляло удовольствія...

IV.

Утромъ я съ большимъ нетерпѣніемъ поджидалъ писаря, — онъ наканунѣ взялся найти возницу для меня. На мою бѣду, хозяина почтовой станціи не было дома, а киргизка не понимала по русски. Писарь уже вчера мнѣ объяснилъ, что лошадей здѣсь нѣтъ, и я рѣшилъ отправиться ходить изъ избы въ избу и справляться, не повезетъ ли кто меня въ Илецкую-защиту.

Я вышелъ со станціи и на улицѣ увидѣлъ писаря.

— Вотъ, представьте, положеніе: никто не хочетъ везти! Всѣхъ какъ есть обѣгалъ, и всюду одно и то же.

— Я ждалъ, ждалъ васъ съ чаемъ... и рѣшилъ самъ искать лошадей!..

— Мы съ вами совсѣмъ забыли, что черезъ Хобду теперь переѣхать нельзя! Всѣ въ одинъ голосъ это говорятъ!

— Какъ же быть-то?

— Ужъ, право, не знаю! Рѣчка глубокая. Нужно на паромѣ переѣзжать, а парома нѣтъ!

— Можетъ-быть, можно сдѣлать такъ же, какъ я сюда пріѣхалъ: доѣхать берегомъ до какого-нибудь становища киргизскаго, переѣхать самому съ вещами на лодкѣ, а тамъ взять киргизскихъ лошадей?

— Тутъ близко нигдѣ нѣтъ киргизовъ на томъ берегу, да и не у всѣхъ есть телѣжки.

— Значить, теперь жди здѣсь, пока вода не спадеть!

— Выходить, что такъ! Эй, Кубашка, ты куда идешь? закричалъ писарь молодому киргизу. Тотъ улыбнулся во весь ротъ, кивнулъ головой и подошелъ къ намъ. Сначала я подумалъ, что это Аблай: такой же толстый, рыжій халатъ, тѣ же сапоги на высокихъ каблукахъ, шапка, то же широкое и плоское лицо, но вблизи въ чертахъ лица я замѣтилъ разницу между тѣмъ и другимъ, — своимъ умнымъ взглядомъ и живостью Кубъ выгодно отличался отъ вялаго Аблая.

— На станцію шелъ, да вотъ ты позвалъ!

— Вотъ что, Кубашка, не возьмешься ли ты

доставить тюрю (барина) до Илецкой-защиты? Ему крепко нужно сегодня ѣхать!

— Ей-Богу поѣхалъ! Для тебя отвезъ бы тюрю! Пара лошадей есть, — повозки нема! сказалъ Кубъ.

— Повозку-то я достану на станціи, только какъ ты черезъ Хобду переправишься?

— Ахъ, ты... я Хобду-то и забылъ.

— То-то вотъ оно и есть!

— Мало-мало постой. Доставай повозку! Я повезу!

— Какъ? спросилъ я.

— Знаю! пойдѣмъ за повозкой. На мельницѣ у Джейсара лодка есть, — тюря переѣдетъ, лошади переплывутъ, и повозка поплыветъ. О, Кубъ хитрый! Онъ доставитъ тюрю! подмигнувъ лукаво киргизъ послѣ своей собственной похвалы.

— Молодецъ, хорошо придумалъ! похвалилъ и я киргиза, очень довольный тѣмъ, что вопросъ о выѣздѣ такъ удачно разрѣшался.

Мы отправились на станцію. Писарь и Кубъ сейчасъ же вступили въ разговоры съ киргизкой, и повозка была добыта.

— Пойду лошадей приведу! мало-мало погоди, — сейчасъ поѣдемъ! сказалъ мнѣ Кубъ.

— Нѣтъ постой, братъ! Ты сначала скажи, сколько возьмешь съ тюри? остановилъ его писарь.

— Лишняго ни копейки. Тюря самъ мнѣ дастъ сколько нужно! увильнулъ киргизъ.

— Нѣтъ, ты отъ меня не отвертишься, ты тутъ говори,—я васъ знаю!

— Что тутъ говорить! Совсѣмъ малое дѣло для тюри! Чего тутъ торговаться! недовольнымъ тономъ произнесъ Кубъ.—Ну, шесть рублей, больше не возьму!

— Мало захотѣлъ, проси больше! Только кто тебѣ дастъ?

— Ну, пять, пять.

— Два, а не пять!

— Зачѣмъ такъ не хорошо говоришь? Что ты?

— Я три дамъ, ступай за лошадьми! сказалъ я, и Кубъ моментально скрылся.

— Напрасно лишняго дали! Положимъ, другой и за эти деньги не повезъ бы! сказалъ писарь.— Русскій ни за что въ такой холодъ не пустилъ бы своихъ лошадей въ рѣку.

Черезъ полчаса я уже выѣзжалъ изъ Джиренькупы. Опять было холодно, опять дулъ тотъ же непріятный восточный вѣтеръ... Ъхали безъ дороги и держались ближе къ рѣкѣ.

Версть черезъ пять показались постройки мельницы. Сама мельница и домикъ были очень маленькіе. Мы проѣхали черезъ дворъ и не увидѣли ни одного человѣка. Здѣсь жилъ только сторожъ, но

теперь и онъ отсутствовалъ. Кубъ далъ мнѣ держать вожжи, а самъ отправился разыскивать лодку.

Вскорѣ онъ показался на маленькой долбленкѣ. Ему нужно было по протоку выѣхать въ Хобду и тамъ уже найти подходящее мѣсто для перевоза. Возился онъ съ этимъ дѣломъ долго, долбленка подавалась впередъ медленно и виляла во всѣ стороны...

Сильное теченіе Ходбы выручило его и быстро снесло къ лошадямъ. Выбрали самое узкое мѣсто, гдѣ рѣка текла еще въ берегахъ, и рѣшили здѣсь переправляться. И на одномъ и на другомъ берегу Ходбы шли громадные луга. Часть ихъ уже покрылась водой, въ другихъ мѣстахъ стояли лужи. Своимъ появленіемъ мы взбудорожили стада утокъ, куликовъ и цѣлыя табуны казарокъ (маленькихъ дикихъ гусей). Послѣднія паслись на сухихъ мѣстахъ, и ихъ огромные косяки черными пятнами покрывали луга. Такого множества водяной птицы я еще не видывалъ. Никѣмъ не тревожимыя, онѣ очень неохотно поднимались вверхъ, со свистомъ проносились взадъ и впередъ надъ головами и въ концѣ концовъ опять опускались тутъ же.

— Шибко усталъ! сказалъ Кубъ, отирая мокрое лицо полою халата.

Онъ выпрягъ лошадей, снесъ сбрую, вещи и сѣно на душегубку и переправилъ ихъ на тотъ берегъ.

Неизвѣстно, откуда, верхомъ на лошади подѣхалъ киргизъ и остановился наблюдать за переправой. Начались безконечные разговоры съ Кубомъ, конечно, о моей личности. Кубъ, между тѣмъ, привязалъ поводкомъ одну лошадь къ хвосту другой, взявъ поводокъ передней и сѣлъ въ лодку. Лошади не хотѣли итти въ воду, — верховой киргизъ подогналъ ихъ, и онѣ вошли. Кубъ хотѣлъ потянуть ихъ, но вмѣсто этого лодка поворотилась носомъ къ берегу и вошла между двумя лошадьми. Кубъ выпустилъ поводокъ, и лошади вышли на берегъ. Верховой ловко поймалъ поводъ и подвелъ лошадей къ Кубу; тотъ опять отпихнулся отъ берега, чтобы затѣмъ снова врѣзаться въ него. Гребецъ нѣсколько разъ пересаживался съ носа на корму, съ кормы на носъ, но успѣхъ былъ одинаковъ. Послышались ругательства. «Кубашка» сталъ сердиться, потъ струями текъ по лицу несчастнаго, а другой киргизъ еще началъ хохотать и подтрунивать надъ его неловкостью. Кое-какъ, наконецъ, удалось гребцу направить носъ лодки на тотъ берегъ, и лошади поплыли. Кубъ вернулся оттуда уже совершенно измученный и имѣлъ видъ настоящаго страдальца. Меня сильно удивило, что такой здоровый киргизъ и такъ быстро утомился: два раза переѣхалъ маленькую рѣчку и уже окончательно раскисъ! Однако отдыхать было

нельзя: лошади могли простудиться, стоя на одномъ мѣстѣ.

Кубъ связалъ оглобли вожжами, и общими усиліями мы вкатили телѣгу возможно дальше въ воду. Я сѣлъ держать вожжи, Кубъ сталъ грести лопатой. Рѣшили, что отплывемъ, насколько позволятъ вожжи, а потомъ я начну тянуть телѣгу.

Однако первая же попытка окончилась полнѣйшей неудачей. Мы даже не сдвинули телѣгу съ мѣста, но зато теченіемъ насъ самихъ прибило къ берегу. Киргизъ на берегу опять захохоталъ, но мнѣ уже было не до смѣху. Кубъ совсѣмъ растерялся. Онъ положилъ лопату въ лодку и недоумѣвающимъ взглядомъ смотрѣлъ на меня. Дышалъ онъ, какъ запыхавшаяся собака, быстро и коротко; даже широкое лицо его какъ будто похудѣло.

— Давай мнѣ лопату! Плохой ты гребецъ! Попробую-ка я самъ! Кубъ молча передалъ мнѣ лопату и взялъ у меня конецъ вожжей. Я погналъ лодку на средину и сталъ немного наискось теченія.—Теперь тяни! сказалъ я и сталъ быстро грести. Я рассчитывалъ, что самое главное усиліе нужно употребить, чтобы сдвинуть телѣгу съ мелкаго мѣста: дальше она уже не такъ сильно будетъ грузнуть въ грязь, а на глубокомъ мѣстѣ даже поплыветъ.

— Э-э-э! Тюря, тюря, тюря! радостно закричалъ Кубъ.

Кричалъ и киргизъ на берегу, и я догадался, что телѣга тронулась. Но грести приходилось изо всей силы; короткую лопатку нельзя было занести далеко, и необходимо было грести быстрыми ударами, и все-таки теченіе стало сильно сносить насъ на средину.

— Тюря, тюря, телѣга потопъ! вскричалъ встревоженно Кубъ.

Я обернулся и увидѣлъ только конецъ веревки: телѣга исчезла подъ водой!

Это обстоятельство встревожило и меня не на шутку! Я напрягалъ всѣ силы, но лодка какъ будто только сносилаь внизъ, не приближаясь къ берегу. Что, какъ телѣга завязнетъ въ какой-нибудь ямѣ на днѣ, или вожжи оборвутся? А если я не смогу выгресться? Вонъ уже и разливъ:—если туда снести, какъ быть? А если здѣсь берегъ отвѣсный? Тогда телѣгу не поднять! пронеслась въ моей головѣ еще болѣе ужасная мысль. Я гребъ съ отчаяніемъ, но чувствовалъ, что силы у меня уходятъ. Скверная зыбкая лодченка и лопатка вмѣсто весла не давали возможности выгодно приложить всѣ свои силы. Каждый вершокъ впередъ стоилъ мнѣ громаднхъ усилій. Я ощущалъ, что везу какой-то не-

вѣроятно тяжелый грузъ, и не увѣренъ былъ въ томъ, что выведу его...

Мнѣ, съ моими мыслями о всевозможныхъ худыхъ случайностяхъ, казалось, что я везу эту противную телѣгу уже цѣлую вѣчность. Хотѣлось бы сразу выпрыгнуть на тотъ берегъ, но мутный потокъ въ 4—5 аршинъ стремительно несясь передо мной и молчаливо говорилъ о печальной дѣйствительности.

Преодолѣть послѣдніе нѣсколько аршинъ стоило мнѣ, вѣроятно, столько же усилій, сколько взяла и вся рѣка. Наконецъ я ткнулъ лопатой въ дно и припихнулъ къ берегу лодку. Я выскочилъ не берегъ, хотѣлъ втащить лодку, но не смогъ. Скользкая земля не давала упереться, и мои ноги ползли въ воду. Короткія вожжи не давали возможности выйти изъ лодки Кубу и тянуть телѣгу съ берега. Безпокойство мое все увеличивалось: оглоблей еще не было видно, и мысль, что телѣга стоитъ подъ крутымъ обрывомъ, не выходила у меня изъ головы.

Я взялъ опять лопату, пошелъ на конецъ лодки, сильно воткнулъ лопату въ дно рѣки и уперся другимъ концомъ въ корму. Одной рукой я держался за нее, а другой помогалъ Кубу подтягивать телѣгу. Такъ дѣло пошло лучше. Скользкій берегъ не давалъ мнѣ возможности удержатъ лодку, когда Кубъ одинъ потянулъ телѣгу. Теперь же, со мной, лодка ослѣла

на дно глубже, а упоръ лопатой кормы не позволялъ лодкѣ скользить.

Скоро показались оглобли, и мои опасенія разсѣялись. Мы вышли на берегъ и стали уже оттуда тянуть за вожжи. Скоро мокрая телѣга стояла на сухой землѣ. Киргизъ на томъ берегу громко заоралъ что-то такое, и послѣ его крика Кубъ подошелъ ко мнѣ, осторожно дотронулся до моего плеча, быстро отдернулъ ее и проговорилъ:

— Джанъ говоритъ тебѣ, что ты батырь, молодецъ! Хорошее дѣло, тюря!

Я кивнулъ Джану головой въ благодарность за его похвалу, и тотъ что-то опять закричалъ по-киргизски.

— Говорить, ни одинъ киргизъ ни за что не перенавилъ бы такъ быстро повозку. Онъ очень шибко доволенъ тобой! перевелъ Кубъ крики Джана.

Какъ я ни усталъ, однако послѣдняя похвала заставила меня расхохотаться. Я снялъ фуражку и помахалъ ею Джану, въ отвѣтъ на его вторичную похвалу. На этомъ наши взаимныя любезности окончились. Кубъ перегвалъ лодку на другой берегъ, а оттуда Джанъ перевезъ Куба ко мнѣ и поѣхалъ уже одинъ къ мельницѣ.

Съ главнымъ препятствіемъ благополучно справились. До самаго Илека теперь не будетъ ни одной рѣки!

Я съ большимъ удовольствіемъ развалился на повозкѣ отдыхать послѣ пережитыхъ трудовъ и волненій. Опять наше появленіе, пока мы ѣхали лугомъ, спугивало стада казарокъ и утокъ.

Бубъ мнѣ объяснилъ, что осенью здѣсь ихъ еще больше. Тогда приѣзжаютъ охотники изъ Оренбурга и Илецкой-защиты и набиваютъ цѣлыя телѣги птицы. Судя по невѣроятному количеству казарокъ теперъ, легко можно было повѣрить, что по Хобдѣ происходило именно такое жестокое истребленіе птицы.

Песчаными буграми, изрѣдка покрытыми высокой травой въ родѣ камыша, мы выѣхали на сухія полынныя степи. Здѣсь насъ сейчасъ же встрѣтилъ пронзительный свистъ рыжихъ крупныхъ сусликовъ. Суслики, полевки, тушканчики, зайцы и, наконецъ, почти исчезнувшія въ Россіи байбаки, или сурки, находили себѣ пріютъ въ обширныхъ степяхъ Тургайской области.

Мимо такой колоніи байбаковъ намъ пришлось проѣзжать.

Меня уже издалека заинтересовали правильные, невысокіе бугорки, которыми была покрыта земля на пространствѣ около версты. На нѣкоторыхъ бугоркахъ что-то чернѣло. Сначала я подумалъ, что это сидятъ сарычи или еще какіе-нибудь пернатые хищники, высматривающіе сусликовъ или мышей.

Однако при нашемъ приближеніи эти темныя пятна вдругъ стали какъ-то вытягиваться, и я догадался, что это байбаки, которые становились на заднія лапки. Нѣкоторые подпускали насъ шаговъ на пять и потомъ сваливались въ норку. Можно было хорошо разглядѣть ихъ сѣренькую шкурку, пухлую, довольно пріятную круглую мордочку, которая, въ отличіе отъ заячьей, имѣла очень короткія, почти не выходящія изъ шерсти ушки. Величиной они, пожалуй, были съ кролика.

Выброшенная изъ норки земля показывала, что байбаки живутъ глубоко подъ землей. Высотою холмики достигали до одного аршина. Эти холмики служили для сурковъ сторожевыми вышками, откуда они могли слѣдить за врагами даже тогда, когда вырастаетъ высокая трава.

За колоніей сурковъ одиноко въ степи стояла небольшая постройка. Сначала я подумалъ, что это киргизская юрта, но сооруженіе это было выстроено изъ известняка, съ круглымъ куполомъ и пустыми оконными отверстіями. Это была могила батыря, но какого, — Кубъ не могъ мнѣ сказать. Киргизы не умѣютъ сохранять долго память о своихъ знаменитыхъ личностяхъ.

Мы ѣхали очень медленно, и лошади съ трудомъ тащили намокшую телѣгу.

Уже къ вечеру переѣхали мы Илекъ. Тутъ насъ

ожидала тоже маленькая неприятность: Илекъ затопилъ луга, и приходилось версты съ двѣ ѣхать по водѣ. Кубъ бросилъ вожжи, и умныя лошаденки сами обходили ямы и глубокія впадины. Ѣхать по такому громадному разливу доставляло мало удовольствія. Если по сухой цѣлинѣ наши лошади брели тихимъ шагомъ, то тутъ, по колѣно въ водѣ, онѣ едва-едва передвигали ноги, и у меня явилось опасеніе, какъ бы онѣ совсѣмъ не стали и намъ самимъ не пришлось бы пѣшкомъ брести по водѣ.

Но лошади выдержали, и мы выбрались на сухое мѣсто. Последнее препятствіе у насъ было уже подъ самой Илецкой-защитой. На берегу ручейка на шести я увидѣлъ грозную надпись: «Переѣздъ закрытъ, въ бродъ опасно!» Я сказалъ объ этомъ Кубу, но онъ не раздѣлялъ этихъ опасеній, а смѣло въѣхалъ въ воду. Посрединѣ ручейка вода стала просачиваться подъ сидѣнье, и я вынужденъ былъ поднять ноги, но это продолжалось не долго, и лошади одо-
■ ми со славой глубокое мѣсто.

Это было мое последнее тревоженіе въ киргизской степи. Уже совсѣмъ ночью пріѣхали мы въ Илецкую-защиту.

При прощаніи съ Кубомъ мнѣ захотѣлось испытать его. Я подаль ему ровно три рубля, и онъ ни единымъ словомъ не заикнулся о томъ, что за такую ужасную дорогу нужно было бы прибавить.

За лишніе два рубля, прибавленные мною ему, я услышалъ много похвалъ себѣ и узналъ, что эти деньги пойдутъ на выкупъ невѣсты, которую Кубъ давно сватаетъ, но все не можетъ окончить дѣло изъ-за калыма (денежное вознагражденіе со стороны жениха родителямъ невѣсты). Разстались мы съ нимъ совсѣмъ друзьями. Кубъ усиленно звалъ меня къ себѣ въ гости на свадьбу, и я тогда искренно желалъ воспользоваться его приглашеніемъ и посмотрѣть на ихъ свадебные обряды, но мое желаніе не исполнилось.

Прошло уже много лѣтъ со времени моего путешествія къ киргизамъ, уже прошла желѣзная дорога отъ Оренбурга до Ташкента черезъ Илецкую-защиту... Поѣздка туда не представляла бы прежнихъ неудобствъ и опасности даже весной, но... судьба забросила меня совсѣмъ въ другія страны, среди которыхъ я могу только вспоминать о своихъ приключеніяхъ въ Тургайской степи. Все же я не оставилъ надежды посѣтить еще разъ этотъ интересный край и вполнѣ увѣренъ, что я найду тамъ опять все, все какъ есть по-старому...

А. Чеглокъ.